

Эпоха умирающих генсеков

Игорь Шестков. Вакханалия (Рассказы). СПб.: Алетейя, 2009.

Игорь Генрихович Шестков – наш с вами бывший соотечественник, москвич, ныне проживающий в Германии. По образованию – «технарь», по призванию – фотограф и график. Уже в Германии обнаружил в себе литературный потенциал и выпустил несколько сборников рассказов, один из которых (вполне симптоматично) был назван «Меланхолия застоя».

Слово «меланхолия» отсылает нас к графическим увлечениям автора («Меланхолия» Дюрера), слово «застой» – к тому временному отрезку, которому посвящено большинство его рассказов. Начиная с самых ранних (посвящённых советскому детству автора) и заканчивая «предотъездными» (Шестков эмигрировал в Германию в 1990 году) – посвящёнными тому переходному периоду, когда в страшных корчах умирала породившая этот самый «застой» советская империя.

Отсылка к Дюреру (а также – забегая вперёд – к Босху) неслучайна – конкретные бытовые подробности определённой эпохи поданы автором сквозь душную атмосферу надвигающегося апокалипсиса. Искусственно лишённый духовного «верха», целый этнос погружён почти исключительно в проблемы телесного «низа» – чреватые грехом и возмездием.

Особенно очевидным это становится из «детских» (посвящённых быту советских школьников) рассказов Шесткова «Пальцев», «Вакханалия», «Любовь Миши Сироткина», «Коля и Петя», «Перед грозой». В поисках смысла существования эти рано повзрослевшие дети проявляют неожиданную агрессию: травля инакомыслящих, сексуальная озабоченность, чреватая садизмом и насилием, походы к проституткам, гомосексуализм – вот далеко не полный перечень их далеко не детских проблем.

По степени жёсткости и полного отсутствия сюсюканья в описании детских и подростковых фобий и комплексов эта часть литературного творчества Игоря Шесткова сопоставима разве что с прозой Марка Агеева. Но для Шесткова эта тема – только начало, исток его основной проблематики: дети вырастают, и лишённое высших духовных ценностей общество порождает монстров покруче детей-садистов и подростков-наильников.

В рассказах «Сад наслаждений», «Африка», «Записки следователя», «Смерть Саши» такие монстры выползают из глубины подсознания самых обыкновенных советских граждан. Кто-то бьёт жену, кто-то её убивает, кто-то идёт охотиться на живых людей, кто-то морит голодом бомжей в подвале, кому-то просто снятся жуткие сексуальные кошмары. Безвыходность и бессмысленность социальной ситуации порождает чудовищ (тут возникает ещё одна, пусть и не предусмотренная автором «графическая» ассоциация – «Каприччиос» Гойи).

А ещё она порождает слабаков – людей, индифферентно плывущих по течению этого безумного и бездумного советского бытия. Бытия, которое извращает и превращает в собственную противоположность всё лучшее, что есть в человеческой жизни. Любовь оборачивается цепью случаев на стороне (рассказы «Свидание», «Купала», «Вечная жизнь Зубова»), радость научных открытий – нудной рутинной в одном из бесчисленных советских НИИ («В институте»), радость отцовства – инцестом («Волька»), оппозиция власти – пьяными разговорами («Новый год»), поход в церковь – пьянкой и смертью одного из героев («На Пасху»).

Постоянным фоном всех этих рассказов служит та самая, вынесенная в заглавие этой статьи и блестяще переданная автором «эпоха умирающих генсеков» – период, когда граждане агонизирующей советской империи либо хоронили очередного руководителя страны, либо жили под властью очередного «полутрупа». Эпоха, буквально взывавшая о собственном апокалипсисе.

В одном из произведений сборника этот апокалипсис осуществлён буквально. По большей части реалистическое, хоть и жутковатое повествование Игоря

Шесткова оборачивается в рассказе «Утконос» босховским видением конца света: «Миша почистил картошку и лук, поставил кипятиться воду. Доставая из верхнего шкафчика солонку, посмотрел в окно. Там он увидел то, что и ожидал – тёмное море, труп безрукой беременной, горящую церковь и ораву ясеневских мальчишек, убегających от идущих на огромных ходулях глубоководных рыб».

Алексей Пасуев.